Комнаты внутри нас

Комната вины

О прошлом, которое невозможно исправить

Шокун Алексей Владимирович

Шокун Алексей

Комната вины. О прошлом, которое невозможно исправить

https://litres.ru/74714323
SelfPub; 2026

Аннотация

Пропущенный звонок, невыполненное обещание, несказанное слово: иногда человек годами несёт то, что невозможно исправить. «Комната вины» — двенадцать историй о сожалении, долге перед близкими и мысленных разговорах с прошлым. В комнате, где всегда вечер, посреди пола стоит тяжёлый чемодан с чужим именем на бирке. Смотритель не открывает его — только оставляет рядом свет. Герои не получают оправданий и не становятся другими за один день. Они лишь замечают, какой груз привыкли считать своим. Это проза о совести, памяти и ответственности, которую бывает трудно измерить.

На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

Содержание

Об этой книге	4
Как читать	7
Пролог	9
Чемодан, который несли вдвоём	11
Мама, которая не спала	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Шокун Алексей Комната вины. О прошлом, которое невозможно исправить

Серия «Комнаты Внутри Нас»
Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. В остром состоянии читать про чужую боль бесполезно и иногда вредно.

Всё, что здесь есть, — двенадцать историй про людей, ко-

торые несут на себе чужое и считают, что несут своё. Ни один из них не исправляется и никого не прощает — ни других, ни себя. У всех в конце остаётся то же, с чем они начали, — меняется только то, что они об этом знают.

В этой комнате всегда вечер. Окно одно, во дворе тополь, и посреди комнаты стоит фанерный чемодан с картонной биркой на ручке. Никто в книге его не открывает. Об этом чемодане и написаны истории — каждая про свой.

Двенадцать, а не девять, потому что у этого чувства много входов. Можно нести чужое руками, как в первой истории. Можно нести его ночью, как во второй, и не спать. Можно написать письмо и не отправить.

Можно каждый вечер устраивать себе суд. Можно объяснить всю жизнь одной ошибкой. Можно годами выплачивать долг, которого никто не оформлял. Можно хранить сломанную чашку.

Можно носить ключ от двери, которой больше нет. Можно извиняться сорок раз в день. Можно не уметь брать. Можно бояться стать тем, кто ушёл.

Все двенадцать историй устроены одинаково: человек что-то делает, потом чего-то не делает, потом узнаёт одну небольшую вещь. Он не становится лучше и не начинает жить иначе. Он перестаёт делать одно движение — и этого хватает, чтобы в комнате стало чуть светлее.

Если вы ждёте, что кто-то в конце скажет «ты тут ни при чём», — никто не скажет. Взрослым никто этого не говорит.

Взрослые сами решают, что делать с тем, что они помнят.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо: истории короткие, но они не для того, чтобы их проглатывали.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд четвёртую, шестую и восьмую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв или перейти сразу к девятой.

Десятую и одиннадцатую тоже не стоит ставить рядом: они про одно и то же с двух сторон, и вместе бьют сильнее, чем по отдельности.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

Книгу можно читать не по порядку, но не стоит читать её как задачник. Здесь нет упражнений, нет списков и нет ничего, что надо выполнить к пятнице. Это книга, а не курс, и её можно бросить на середине.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как перестать себя ви-

нить. Она про комнату, в которой всегда вечер, и про чемодан, который стоит посреди неё и который никто не открывает.

Пролог

В этом доме есть комната, в которой всегда вечер.

Окно в ней одно, и оно выходит во двор, и во дворе растёт тополь, и от тополя в комнате сумрак. Даже в июле, даже в полдень здесь не светлее, чем в семь часов вечера.

Смотритель заходит и останавливается.

Посреди комнаты стоит чемодан.

Он старый, фанерный, с двумя ремнями и с ручкой, обмотанной изолентой. Он стоит не у стены, а посреди комнаты, и от этого кажется, что его только что поставили.

К ручке привязана картонная бирка на верёвочке. На бирке написано имя.

Смотритель подходит и читает.

Имя не из этого дома. В этом доме так никого не зовут, и смотритель не знает, откуда оно взялось.

Он берёт чемодан за ручку и приподнимает.

Чемодан тяжелее, чем выглядит. Смотритель держит его на весу секунды две, потом ставит обратно, и пол под ним чуть скрипит.

Он обходит чемодан кругом. С другой стороны на крышке видны царапины и след от наклейки, которая отклеилась и оставила светлый прямоугольник.

Он трогает царапины пальцем. Они глубокие, и одна идёт через весь угол, как будто чемодан волокли по асфальту.

Смотритель не знает, кто его волок и куда.

Он мог бы открыть чемодан. Ключ у него в кармане, и он про этот ключ помнит.

Он не открывает.

Он стоит и смотрит на бирку, и в комнате тихо так, что слышно, как во дворе идёт по проводам ток.

Потом он делает то, что делает всегда.

Он снимает с гвоздя фонарь и вешает его на ручку чемодана.

Фонарь качается и светит вниз, на пол.

Смотритель выходит и закрывает за собой дверь.

В комнате остаётся свет: маленький, жёлтый, у самого пола. Он горит всю ночь.

Утром он горит так же.

Чемодан, который несли вдвоём

Мать умерла в марте, и квартиру надо было разбирать. Он приехал на три дня, сестра жила в том же городе и ждала его у подъезда с ключами. Последний год он приезжал два раза.

Он уехал из этого города в двадцать три, после университета, и с тех пор жил в другом, в шестистах километрах. Отец ушёл из семьи, когда ему было девять, и ушёл не в никуда: он жил в том же городе, на другой улице, и один раз они встретились в очереди в аптеке.

Они отстояли рядом минут десять, и отец спросил: «Как мать?» Он сказал: «Нормально». Отец сказал: «Ну, хорошо», — и купил валидол, и ушёл.

Он тогда не сказал матери, что видел его. Мать работала в школе, преподавала русский, и после отца осталась с двумя детьми и с квартирой, за которую платила сама. Она проверяла тетради по вечерам, за кухонным столом, и ставила оценки красной ручкой.

Он помнил, как она сидела и шевелила губами, читая. Однажды он спросил, почему она не ставит всем пятёрки. Она сказала: «Потому что тогда будет неправда».

У неё были руки в мелу и в красных чернилах, и она мыла их хозяйственным мылом. Он помнил запах этого мыла сильнее, чем запах духов. Сестра осталась в городе: вышла замуж, родила двоих, работала в бухгалтерии в управлении.

Она и была той, кто ездил к матери каждую неделю. Звонил по воскресеньям, и она говорила, что всё хорошо, и он верил, потому что так было проще. В январе она попросила приехать. Он сказал, что не может, что на работе завал, что приедет в феврале.

В феврале она уже не просила. В марте позвонила сестра. Болезнь началась в позапрошлом августе. Сначала говорили «обследование», потом «наблюдение», потом называли только отделение.

Он звонил по воскресеньям, в семь, и разговор длился минут десять. Она спрашивала про работу, про жену, про то, не холодно ли у них. Он отвечал и потом спрашивал: «Как ты?»

Она говорила: «Нормально». И он верил, потому что в трубке голос был обычный. В январе она сказала: «Приезжай, я хочу тебе кое-что отдать». Он сказал, что завал, что сдают объект, что приедет в феврале.

Объект сдали десятого февраля. Он мог поехать четырнадцатого. Он работал в проектном отделе, в комнате на шесть человек, и вёл раздел, который назывался «вода и канализация».

Работа была срочная всегда. Каждый объект сдавали в последний срок, и каждый раз что-то не успевало.

В январе он сидел над чертежами до одиннадцати и говорил жене, что это последний раз.

В тот вечер он хотел позвонить матери и не позвонил, потому что было поздно. Он решил, что позвонит в среду.

В среду он забыл.

Десятого февраля объект приняли без замечаний, и начальник сказал: «Ну, выдохнули». Он вышел в коридор и позвонил сестре, чтобы спросить, как мать. Сестра сказала: «Плохо».

Он вернулся в комнату и сел за стол, и начальник спросил: «Что там?» Он сказал: «Мать». Начальник сказал: «Ну, ты скажи, если что».

Он сказал: «Хорошо». Он не сказал. Он сказал на следующий день, и на работе ему дали три дня, и никто ничего не спросил.

Он успел на похороны и не успел ни на что другое. Он не поехал. Он думал, что успеет.

В ноябре сестра прислала фотографию: мать в палате, в очках, с книгой на одеяле. Он посмотрел и написал: «Передай, что я позвоню». Он позвонил через два дня.

Сестра потом сказала, что мать в тот день уже почти не говорила. В квартире было тепло и пахло лекарствами.

На столе стояла чашка с недопитым чаем, и в чае была ложка.

Соседка с третьего, тётя Рая, пришла в тот же вечер и рассказала, что в декабре мать упала в коридоре и лежала, пока не пришла она. Она говорила это тихо, глядя в сторону, и в конце сказала: «Она не хотела вас беспокоить». Он кивнул и подумал, что беспокоить — это как раз то, чего он ждал весь год.

Похороны были на четвёртый день. Народу пришло немного: соседка, две женщины с её работы, дальняя родственница и сестра с мужем. Он говорил речь и сказал не то, что хотел. Хотел сказать, что она одна вырастила двоих и ни разу не пожаловалась, а сказал, что она была хорошим человеком.

Он готовил эту речь в поезде и записал её на телефон. В телефоне осталось: «Мама была человеком, который…» — и дальше запись обрывалась, потому что вошёл проводник.

Он не дописал и говорил по памяти. Сестра потом сказала, что всё было нормально.

На поминках сидели в квартире, за столом, накрытым на шесть человек, и ели кутью и пироги, которые принесла соседка.

Муж сестры, молчаливый мужчина в свитере, говорил тосты. Он рассказывал про завод, где работал двадцать лет, и все слушали в третий раз. Дальняя родственница спросила, кому достанется квартира. Сестра сказала: «Разберёмся».

Он вышел на балкон и стоял там, пока не замёрз, и вернулся, и все уже пили чай. Дальняя родственница, уходя, сказала ему: «Ты теперь старший». Он не понял, что это значит, и кивнул.

Он потом вспоминал это слово — «старший» — и не мог понять, старше кого. Они разбирали два дня. Сестра складывала белье в мешки, он выносил книги на площадку. Книг было много, и все они были старые, и на многих стояли цены

карандашом.

Сестра работала быстро: снимала с полок, вытирала пыль, складывала в коробки и подписывала маркером — «посуда», «бельё», «бумаги». Он работал медленно. Открывал книгу, читал страницу, закрывал и клал в мешок.

Сестра говорила без остановки: про очередь в собес, про справку, которую надо взять, про домоуправление, которое тянет. Он слушал и подавал мешки. Он думал, что если бы она замолчала, он бы, наверное, сел на пол.

К вечеру первого дня он разобрал две полки, а сестра — весь шкаф. Ночь он провёл в своей бывшей комнате, на диване, который раскладывался с грохотом.

На стене висела полка, и на полке стояли его школьные грамоты, и одна была за олимпиаду по географии.

Он лежал и слушал, как в подъезде хлопает дверь, и думал, что этот звук он помнит лучше, чем лицо матери. На второй день они поспорили из-за фотографий. Сестра хотела оставить альбом себе, потому что у неё дети. Он сказал, что половина снимков его.

Она сказала: «Забирай, мне что, жалко». Он не забрал. Альбом уехал к ней, и он потом ни разу его не попросил.

В тот же день пришли покупатели — молодая пара с ребёнком, — и сестра показывала им квартиру, а он стоял на кухне. Женщина спросила: «А мебель вы оставите?» Сестра сказала: «Оставим».

Он слышал, как они ходят по комнатам и говорят про ре-

монт, и не вышел. Пара ушла, и сестра сказала: «Они хорошие». Ключи они отдали в конце второго дня, в конторе, и сестра положила свою связку на стол.

Он свою не отдал. Она осталась у него в кармане, и он нашёл её через месяц, в куртке. Он не знал, что с ней делать, и оставил в кармане.

Через год куртку выбросили, и ключи ушли вместе с ней.

— Ты помогаешь или читаешь? — спросила она.

— Читаю.

— Ну читай.

В шкафу висели её платья, все выцветшие, и на плечиках остались следы от петель. Сестра снимала их одно за другим и складывала в мешок, и не смотрела. Он сказал: «Может, отдать кому-нибудь?» Она сказала: «Отдадим».

В нижнем ящике лежали бумаги: квитанции, справки, школьные тетради его и сестры, и всё это было перевязано синей лентой. Сестра сказала: «Это выбросим». Он сказал: «Подожди».

Он сидел на полу и перебирал тетради и нашёл свою, за пятый класс, с сочинением про весну. Оценка была «пять», и внизу было написано красным: «Молодец». Он не помнил этой тетради.

В той же стопке лежал блокнот в клетку, и в нём были списки: «хлеб, молоко, соль», «лампочка 60», «позвонить в собес». Последняя страница была заполнена наполовину, и на ней стояло: «Купить рыбу. Позвонить И.»

И. было его имя. Он просидел над этой строчкой дольше, чем над всем остальным.

На третий день остался чемодан. Перед отъездом он прошёл по квартире.

В комнате стоял диван без покрывала, и на стене остались светлые прямоугольники от фотографий.

Он постоял и попробовал вспомнить, где что стояло. Он помнил сервант, помнил телевизор на тумбочке, помнил ковёр, но ковёр не мог поставить на место. Он понял, что помнит вещи, а не то, как они стояли.

В кухне на гвозде висела прихватка. Он снял её и положил в карман, а потом вынул и повесил обратно.

В холодильнике стояли три банки: варенье, огурцы и что-то тёмное без этикетки.

На плите лежала кастрюля, вымытая и перевёрнутая, и под ней была тряпка. Он открыл варенье и понюхал. Пахло крыжовником.

В шкафу над плитой стояли банки с крупой, и на каждой был приклеен клочок бумаги с датой. Крупа была старая. Он высыпал её в мешок, и сестра сказала: «Давно пора».

Банку он выбросил, а тряпку оставил. Он стоял в кладовке, под полками, фанерный, с двумя ремнями.

В нём лежало то, что мать называла «моё».

Этот чемодан он знал с детства. С ним ездили на дачу — сорок минут на электричке и потом двадцать пешком. Мать несла его за ручку, а они с сестрой держались за ремни по

бокам, и это считалось помощью.

В чемодане лежали одеяло, кастрюля и банки, и он был тяжёлый, и мать говорила: «Не дёргай, перевернётся». Один раз она приезжала к нему — в две тысячи девятнадцатом, на три дня, с этим же чемоданом. Она привезла варенье, огурцы и вязаные носки, и всё это заняло половину.

Она ходила по его квартире и трогала вещи, и говорила: «Хорошо у тебя». На третий день она собралась и уехала, и он проводил её на вокзал, и она несла чемодан сама, потому что сказала: «Он лёгкий». Он не предложил понести.

Они несли его вдвоём: он взялся за одну сторону, сестра за другую, и ручка была одна, посредине, и её пришлось держать ему. На лестнице ручка треснула. Они поставили чемодан на площадку между третьим и вторым, и сестра сняла с себя ремень и продела его под крышкой, и они понесли дальше, каждый за свой конец ремня.

Ремень был узкий, женский, с пряжкой. Она затягивала его два раза, потому что с первого раза вышло неровно. Руки у неё были в муке: утром она пекла блины, потому что в доме нечего было есть.

Ремень резал ладонь. Он думал, что до первого этажа осталось два пролёта, и что это ерунда, и что сейчас они дойдут.

На площадке между вторым и первым сестра переложила ремень на другую руку.

Он сказал: «Давай отдохнём». Она сказала: «Нет, потом

не встанем».

На первом этаже, у самой двери, сестра остановилась.

— Я больше не могу.

Она опустила ремень. Он держал чемодан секунду один, и в эту секунду вес был другой — не вдвое больше, а какой-то совсем другой, как будто в чемодане что-то переложилось.

Потом он тоже опустил.

Они стояли в подъезде над чемоданом и молчали. Потом сосед с четвёртого, который шёл с работы, взялся за другой конец, и они вынесли его втроём. Чемодан он забрал к себе.

Он вёз его в поезде, в плацкарте, и поставил в проходе, и проводница два раза просила убрать. Он убрал под стол и всю ночь упирался в него ногой. Он жил в другом городе, в однушке, и поставил его в прихожей, у стены, между шкафом и вешалкой.

Он поставил его так, чтобы не мешать двери, и потом весь вечер переставлял. Прихожая была узкая, полтора метра, и чемодан занимал половину. Когда приходили гости, они спотыкались и говорили: «Ой, извините».

Он говорил: «Ничего». Там он и стоял два года. Он привык обходить его. Выходя, брал ключи с полки над ним и старался не задеть.

Один раз задел и сказал: «Извини». Он сказал это вслух и потом весь вечер думал, кому именно. Сестра приезжала к нему один раз, в две тысячи двадцать первом, на свадьбу двоюродной.

Она увидела чемодан в прихожей и ничего не сказала. Он ждал, что она скажет. За это время он переехал один раз, и чемодан везли в машине, и он держал его на коленях всю дорогу.

Жена предложила поставить его в кладовку.

— Он мне не мешает, — сказал он.

— Он в прихожей.

— Ну и что.

Она больше не предлагала. С женой они жили шесть лет. Она работала в школе, как и его мать, и это было единственное, что их с матерью связывало.

Жена ездила с ним к матери два раза — на Новый год и на её семидесятилетие. Один раз, в ноябре, она сказала: «Ты не был у неё полтора года». Он ответил: «Я звоню каждое воскресенье».

Она посмотрела на него и сказала: «Ну да». На Новый год они поехали к её родителям, и там было шумно, и все спрашивали про его мать. Он говорил: «Держится».

Он говорил это в декабре и в январе, и это была правда, которую он себе пересказывал. Он мешал. Об него спотыкались, его двигали, чтобы открыть шкаф, на него ставили сумку с продуктами.

Жена спрашивала:

— Что в нём?

— Мамины вещи.

— Разбери.

— Потом.

Он не разбирал два года. Жена сначала спрашивала каждую неделю, потом перестала. Один раз, когда пришли гости, кто-то спросил: «А что это у вас в прихожей?» — и он ответил: «Мамино», — и разговор перешёл на другое.

Он заметил, что говорит это слово всё тише. Тёща приезжала два раза в год и каждый раз спрашивала: «А это что у вас?» Он говорил: «Мамино». Она говорила: «А, ну да».

Жена один раз сказала: «Мне кажется, ты его держишь, чтобы не разбирать». Он сказал: «Мне кажется, ты преувеличиваешь». Она сказала: «Ладно».

Он потом думал, что она была права, и что от этого было хуже. В феврале они переехали в двушку, и грузчики спросили, что делать с чемоданом. Он сказал: «Осторожно». Они сказали: «Да мы аккуратно».

Один раз, в августе, он сел на пол перед чемоданом и расстегнул верхний ремень. Ремень был тугой, кожа задубела, и пряжка не сразу поддалась. Он расстегнул его, посидел и застегнул обратно.

Он не помнил, о чём думал. Помнил, что в прихожей было темно, что из комнаты шёл телевизор и что пахло кожей и пылью. Жена вышла и спросила: «Ну что?» Он сказал: «Ничего».

Она постояла и ушла.

Сестра за это время сделала всё. Она продала квартиру, раздала мебель, оставила себе только часы и фотографии, и

когда он спросил, куда делись мамины вещи, сказала:

Квартиру продали за два миллиона четыреста, и сестра перевела ему половину. Он сказал: «Не надо было». Она сказала: «Надо».

Деньги он положил на счёт и не трогал три года. Потом на них поменяли машину, и он не сказал жене, откуда они.

— Какие вещи?

Часы с серванта, с боем, стояли у сестры на кухне и отставали на десять минут. Она их не заводила.

— Ну, её.

— Я всё отдала, — сказала она. — Там ничего не было.

Он хотел сказать, что там был халат и очки, и тетрадь, и ложка, но промолчал. Он тогда подумал, что сестра имеет в виду другое. Сестра была старше на четыре года. Она ходила к матери каждую неделю, покупала продукты, возила в поликлинику.

У неё было двое — мальчик и девочка, — и муж, который работал на заводе и молчал. Она никогда не жаловалась. Она говорила: «Всё нормально, только она плохо ест».

Её сын в том году заканчивал школу, и она говорила про экзамены и про то, что он хочет на программиста. Он слушал и кивал, и не запоминал. Когда мать положили в больницу, сестра взяла отпуск за свой счёт и просидела с ней десять дней.

Он узнал об этом через полгода, от тёти Раи. Он это знал и каждый раз, когда она говорила «я всё отдала», слышал: «а

ты — нет». Он тогда не понял.

Он вообще плохо понимал в те дни. Делал то, что говорили: подписывал, отвозил, заказывал, благодарил.

В голове было пусто и ровно, и он думал, что так и должно быть.

В первое воскресенье после похорон он в семь часов взял телефон и подержал его в руке. Он набрал номер и услышал, что аппарат отключён. Он потом ещё месяц набирал его по воскресеньям, и потом перестал.

Через год номер отдали другому человеку, и он один раз услышал в трубке чужой голос. Он сказал: «Извините», — и положил трубку. Он потом думал, что надо было спросить, как зовут человека, которому теперь звонят по этому номеру.

Ему показалось, что так было бы правильнее.

— А чемодан?

— Какой чемодан?

— Тот, который мы несли.

Сестра помолчала.

— Я его не брала, — сказала она. — Я не могу это держать.

Он хотел спросить, что именно, и не спросил. Он подумал, что если бы она сказала это на лестнице, в тот день, он бы, наверное, тоже смог опустить ремень и уйти. Он не спросил, что именно. Он положил трубку и посмотрел на чемодан в прихожей.

Потом набрал сестру снова.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально. А ты?

— Нормально.

Они поговорили про погоду и про то, что квартиру покупает молодая пара с ребёнком. Он думал, что они несут его вдвоём. Оказалось, что с того самого момента на первом этаже, когда она опустила ремень, он несёт его один, а она идёт рядом.

И ещё он думал, что если бы она тогда сказала вслух: «Я не могу», — он бы, наверное, тоже смог. В декабре он всё-таки открыл чемодан. Он поставил его на пол посреди комнаты, расстегнул ремни и поднял крышку. Из чемодана пахло нафталином и ещё чем-то, чего он не мог назвать: так пахло в кладовке у матери.

Внутри лежал халат, синий, в мелкий цветочек, стиранный до мягкости. Под халатом были очки в футляре, и футляр был твёрдый, из кожзаменителя, и внутри на бархате остался след от стёкол. Была сумка — чёрная, маленькая, на молнии, — и в сумке лежало триста сорок рублей, две купюры по сто и мелочь.

Была тетрадь в клетку, где на первых страницах мать записывала рецепты, а с середины — давление и таблетки, и записи шли ровными столбиками, и последняя была за неделю до смерти. Он открыл первую страницу. Там было: «Варенье из крыжовника. Ягоду наколоть, засыпать сахаром, оставить на ночь».

Почерк был ровный, школьный. Он никогда не варил варенье. И была деревянная ложка.

Обычная, из берёзы, с длинной ручкой, тёмная от времени и от масла, с одной стороны обожжённая. Он взял ложку в руки. Он помнил эту ложку. Ею мешали варенье, и она стояла в банке на кухне, и он в детстве обжигал о неё язык.

Он сидел на полу с ложкой в руке минут двадцать. Ложка была тёплая от руки, и он держал её, как держат ручку двери, которую не хотят открывать. Он подумал, что мать мешала этой ложкой варенье, и что варенье варилось в тазу на кухне, и что таз потом стоял на балконе.

Он не помнил, чтобы он ей помогал. В боковом кармане чемодана нашлась фотография: он, лет семи, в шапке, и мать рядом, и оба щурятся, и снимок выцвел до голубизны. На обороте было написано карандашом: «9 мая, у памятника». Год не был указан.

Потом сложил всё обратно, кроме ложки, закрыл чемодан и застегнул ремни. Халат он отдал в церковь, которая принимала вещи. Очки выбросил. Сумку с деньгами оставил — деньги он потом отдал сестре, и она взяла, не спросив, откуда.

Тетрадь он оставил себе и положил на полку, к своим документам. В феврале он позвонил сестре и сказал, что разобрал чемодан. Она спросила: «И что там было?»

Он сказал: «Халат, очки, тетрадь». Она сказала: «А». И больше ничего не спросила.

Он хотел рассказать про ложку и не рассказал. Чемодан он вынес на помойку в январе, и во дворе его тут же забрал какой-то мужчина, и унёс, и это было хорошо.

Мужчина был в рабочей куртке и с сумкой. Он посмотрел на чемодан, потрогал ручку, обмотанную изолентой, и спросил:

— Рабочий?

— Рабочий.

— Ну, спасибо.

Он спросил: «Вы куда его?» Мужчина сказал: «В гараж, инструмент держать». Он кивнул и пошёл домой, и не оборачивался.

Он взял его и понёс к гаражу, и чемодан был пустой, и он нёс его легко. Дома он поставил в прихожей сумку с продуктами и увидел, что стена пустая. Он не сразу понял, что стало свободнее.

Ложка осталась в ящике на кухне. Она лежала между ножом и открывалкой, и он ею иногда мешал чай, и она была длинная, и в стакане её было слишком много. Жена предлагала купить нормальную ложку. Он сказал, что эта удобная.

Она не спорила. Он иногда думал, что ложка — единственное, что он взял из того чемодана по-настоящему. Жена один раз спросила, откуда ложка.

— Мамина, — сказал он.

— А, — сказала она. — Хорошая.

Он думал, что надо было тогда, на лестнице, сказать сест-

ре: «Я тоже не могу». Но он не был уверен, что это было бы правдой. Он согласился.

Мама, которая не спала

Телефон она клала на тумбочку экраном вниз и ставила звук на полную. Ложилась в одиннадцать, а засыпала после того, как приходило сообщение. Сын жил в другом городе, ему было двадцать девять, и каждый вечер он писал: «дома».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.